

Русско-греческие политические и церковные связи в 20–30-х гг. XIX в.

Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

Статья посвящена русско-греческим церковным и политическим связям накануне и во время Восточного кризиса 20-х гг. XIX в. После начала греческого восстания в 1821 г. Россия заняла двойственную позицию: с одной стороны, она стремилась оказать грекам поддержку в качестве державы-покровительницы всех православных христиан Османской империи, а с другой – была обязана осудить греческую революцию, как противозаконное выступление бунтовщиков. К этому её обязывала приверженность принципам легитимизма, провозглашённым членами Священного союза европейских держав.

Россия имела в Балканском регионе не только политические, но и экономические интересы. После восстания греков многие державы Западной Европы не сомневались, что Россия поддержит восставших. Однако этого не произошло. После получения Грецией независимости в 1830 г. Россия установила дипломатические отношения с новым балканским государством. Первым посланником в Навплии (совр. Нафплион) стал П.И. Рикман. Политическая поддержка восставших не могла найти понимания в консервативных европейских кругах, однако помощь православной балканской церкви подразумевалась статьями заключённого в 1774 г. русско-турецкого Кучук-Кайнарджийского мира. В той материальной помощи, которую оказывал Святейший Синод греческим монастырям, священнослужителям и отдельным храмам на территории Греции, особое место занимала поддержка Афонских монастырей. Эта поддержка была предопределена особым документом, носящим название Палестинского штата. Он был принят в 1735 г. при императрице Анне Иоанновне и подлежал исполнению в последующие годы. В Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ сохранились списки всех православных обителей на территории Османской империи, которые пользовались материальной поддержкой русской церкви; значительную часть этого списка составляют православные храмы Греции.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, Восточный кризис, греческая революция 1821 г.

УДК: 327.82

Поступила в редакцию: 02.02.2020 г.

Принята к публикации: 08.05.2020 г.

Греческое восстание 1821 г. давно привлекало внимание отечественных историков. Одной из самых фундаментальных работ остаётся монография А.В. Фадеева (Фадеев 1958); имеются труды, посвящённые первому президенту Греции И.А. Каподистрии (Арш 1976). Однако не все аспекты русско-греческих отношений периода революции изучены достаточно глубоко. Используемые для подготовки настоящей статьи архивные материалы позволяют проследить связь политических задач, стоявших перед российскими властями в Греции, с их практическими шагами по поддержке православной церкви в новом независимом государстве. Материалы о Палестинском штате Святейшего Синода, не привлекавшие до сих пор специального внимания историков, позволяют восстановить, как через поддержку православия русское влияние распространялось на регионы Балканского полуострова, Леванта и Малой Азии. Значительная часть Палестинского штата была посвящена Афонским монастырям, а также вновь учреждённой по-сольской церкви при российском дипломатическом представительстве в Афинах.

Восточный кризис 1820-х гг. был спровоцирован греческим восстанием и включал в себя целый комплекс международных противоречий, связанных с греко-турецкими, англо-русскими и русско-турецкими отношениями. В центре кризиса оставалась греческая проблема. 19 января 1821 г. А. Ипсиланти поднял восстание в Молдавии; позже оно распространилось на Грецию. Российское правительство, в духе принципов Священного союза, выразило осуждение действиям «бунтовщиков» против законной власти Порты. Тем не менее российским властям было трудно сохранять последовательность в греческом вопросе. Многие, даже консервативно настроенные, государственные деятели России сочувственно высказывались о восстании и даже выступали за оказание военной помощи восставшим (Арш 1976: 81–82), поскольку Россия считалась покровительницей православного населения Османской империи. Более того, империя имела право защищать православных от политического и конфессионального угнетения османских властей: это было прописано статьями русско-турецкого Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г. После начала греческого восстания российские власти не смогли чётко определить свои политические приоритеты в балканском регионе и начали действовать в русле договорённостей в рамках Священного союза, не имевших обязывающей юридической силы. Однако геополитически Россия была заинтересована в укреплении своих позиций на Балканах, чему европейские державы были готовы воспрепятствовать. Великобритания незамедлительно воспользовалась двойственностью политики Петербурга по отношению к Греции, усилив своё влияние в регионе. Британские политики считали, что Англия должна перехватить инициативу в решении греческого вопроса, поскольку «миролюбивая политика российского государя... достаточно непопулярна в империи среди государственных служащих и военных. Русские

коммерсанты и землевладельцы присоединяют голос свой к голосу тех своих сограждан, кто и раньше высказывался за войну»¹.

Политическая обстановка на Балканах в начале 20-х гг. XIX в. не способствовала развитию политических и конфессиональных связей России с православными, подданными Османской империи. Россия воздерживалась от действий в поддержку повстанцев, рассматривая их выступления в одном ряду с европейскими революциями начала 20-х гг. В то же время российский посланник в Константинополе барон Г.А. Строганов не раз получал от российского МИДа предписания направлять Порте от имени российского правительства ноты против жестокостей, чинимых турецкими властями по отношению к православному населению Греции и Константинополя. Все протесты Строганова оставались без внимания². К неоднократным заверениям российского посланника, подтверждавшего официальную позицию своего правительства с осуждением «революционных» методов повстанцев, Порты относилась с недоверием, подозревая, что Россия играет едва ли не главную роль в организации восстания. Эти подозрения не были безосновательными. И сам посланник, и часть либерально настроенного русского общества с сочувствием относились к греческой революции и считали, что отказ поддержать освободительное движение греков противоречит политическим интересам России на Балканах. Такое мнение разделял Строганов и второй статс-секретарь по иностранным делам – И. Каподистрия; грек по происхождению, он открыто осуждал пассивность российского императора. 6 июля 1821 г. Строганов в очередной раз направил Порте ноту с требованием прекратить преследования христианских подданных и восстановить свободное судоходство российских торговых судов через Проливы³. Не получив ответа на обращение, Строганов принял решение покинуть турецкую столицу со всем составом посольства.

Конфессиональная общность с угнетённым православным населением Османской империи оставалась одной из важнейших составляющих многосторонних связей России с балканскими народами. Она же стала краеугольным камнем т.н. Восточного вопроса. Если в первые десятилетия XIX в. политическое освобождение турецких христиан путём создания независимых государств было туманной перспективой, то получение ими помощи от русской православной церкви стало ежедневной реальностью, заставлявшей турецкие власти беспокоиться о дальнейшей политической ориентации подвластных ей народов.

Духовный и политический аспекты в общей внешнеполитической доктрине России на Балканах были неразрывно связаны между собой, это хорошо понимали российские дипломатические представители в Османской империи. «Ду-

¹ *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел (далее – ВПР)*. Серия вторая. 1815-1830 гг. Т. IV (XII). С. 712. Прим. 116.

² Там же. С. 119. Нота посланника в Константинополе Г.А. Строганова турецкому правительству. 11(23) апреля 1821 г.

³ Там же. С. 207-210. Нота посланника в Константинополе Г.А. Строганова турецкому правительству. 6(18) мая 1821 г.

ховное и нравственное влияние России на единоверных ей христиан Восточных может действовать двумя путями, – писал в одной из своих многочисленных записок российский консул в Бейруте К.М. Базили. – 1. Политическим заступничеством церкви и народа, 2. Поддержанием туземных училищ и образованием некоторого числа отборных молодых людей в наших учебно-духовных заведениях»⁴. Автор записки высказывался за расширение помощи зарубежному православию, приводя в пример пожертвования Рима католикам в святых Малой Азии. «Политическое заступничество, – продолжал Базили, – будет иметь самые благие последствия и предоставлять России сугубое влияние на судьбы Востока».

Материальная и духовная помощь, которую Святейший Синод оказывал православным монастырям, церквям и училищам на Балканах, ещё не отражена в полной мере в отечественной научной литературе. Больше внимания уделялось освещению русской помощи Восточным патриархатам, хотя и его отнюдь нельзя назвать достаточным, а тем более исчерпывающим. Это объясняется тем, что связь российского общества с Иерусалимскими святынями всегда привлекала внимание исследователей, прежде всего, изучавших масштаб жертвований в пользу Святых мест Сирии и Палестины. Между тем не меньшее внимание русская церковь уделяла поддержке православия на Балканах.

Особую роль в этом сыграл утверждённый в 1735 г. список, получивший название Палестинского штата, по которому целому ряду православных обителей на территории Османской империи были назначены определённые ежегодные «милостинные дачи» для поддержания православия в мусульманском государстве. В этот список вошли 53 монастыря, на финансирование которых государственное казначейство ежегодно выделяло 4031 руб. 66 ½ коп. серебром⁵. Эти средства передавались «заграничным единоверным духовным особам и монастырям», среди которых первой строкой упоминались четырёх престольные патриархи: Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Затем шли митрополиты: Черногорский, Халкидонский и Белградский; архиепископы: Архидонский, Македонский и Синайский, а также три епископа. Монастыри, включённые в Палестинский штат, находились на Балканах, Афоне, Синае, в Малой Азии, Трапезунде, Далмации, Валахии и Молдавии, а также на островах Корфу, Крите и Принцевых.

Размер выплат не менялся с 1735 г.: монастыри получали по 35 руб. серебром ежегодно, Константинопольскому патриарху полагалась 1 тыс. руб., трём остальным патриархам – по 100 руб.; всем митрополитам и епископам 560 руб. единократно за три года или по 166 руб. 66 ½ коп. ежегодно⁶. Особые суммы

⁴ *Архив внешней политики Российской империи* (далее – АВПРИ). Ф. СПб ГА I-9. Оп. 8. Д. 1 (1815-73). Л. 307. Памятная записка К.М. Базили от 15 декабря 1843 г.

⁵ Там же. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 2. Ч. 1. Л. 17-21. Указ Николая I от 27 января 1826 г.; там же. Д. 2. Ч. 7. Л. 1-8. П. Мещерский К.В. Нессельроде. 18 ноября 1826 г.

⁶ Там же. Д. 2. Ч. 1. Л. 17. Указ Николая I.

получали Солунский (50 руб.), Ватопедский Афонский (100 руб.), Троицкий (Есоптр) на о. Халки (50 руб.) и Цетинский черногорский (166 руб. 66 ½ коп.) монастыри, а также церковь Св. Спиридона на о. Корфу (125 руб.)⁷.

Указом от 27 января 1826 г. Николай I увеличил суммы, ежегодно выплачиваемые патриархам: Константинопольскому до 1,5 тыс. руб., трём остальным по 500 руб. серебром. Все выплаты Восточным патриархатам и балканским святыням проводились через «российского в Константинополе министра»⁸. Указанные в Палестинском штате монастыри имели право получать «милостинную дачу» один раз в пять лет, присылая для этого своих уполномоченных в Россию. Духовным особам, прибывавшим в Петербург за пособием, полагались деньги на проезд и проживание в российской столице. В случае отказа приехать за деньгами в Россию уполномоченные могли получить средства через российское посольство в Константинополе; многие предпочитали пользоваться этой возможностью.

В списке Палестинского штата особое место отводилось обителям Афонской горы, традиционно почитаемым русской церковью. Ежегодное пособие получали монастыри: Введенский Хилендарский, Георгиевский Зографский, Благовещенский Филофеев, русский Пантелеймоновский, Благовещенский Ватопедский, Предтеченский Дионисиев, Георгиевский Павловский, Иверский, Вознесенский Есфигменский, Троицкий Алембасов и Большой Лавры. Из них Благовещенский Ватопедский получал по 100 руб. за присланные в Россию святыни – Животворящий крест Господень, сооружённый Константином, и главу Иоанна Златоуста.

О русских монахах на Афоне, в миру бывших солдатами, упоминает Дмитрий Васильевич Дашков в своих заметках о Святой горе, оставленных в бытность службы при константинопольском посольстве. Г.А. Строганов, возглавлявший российскую миссию в Османской империи в 1816–1821 гг., послал Дашкова в путешествие по Леванту «для обозрения наших консульств». На Афоне Дашков посетил «знатнейшие монастыри», в т.ч. Пантократорский, которому принадлежал русский скит Св. Пророка Илии. Вот что пишет об этом Дашков: «Находившиеся там монахи под управлением особого настоятеля, отца Герасима, были по большей части из Малороссии и Черкаска: некоторые из них имели офицерские чины в Донецком войске. Числом же всех было тогда до 30, сверх 10 послушников. Получая небольшие милостыни из России, они питались трудами рук своих и вообще отличались от других святогорцев взаимным согласием и деятельностью, благочестивой жизнью»⁹.

Греческая революция, превратившаяся в широкое освободительное движение против турецкой власти, отразилась и на монастырской жизни Афона. По-

⁷ Там же. Л. 18 об.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ Там же. Ф. СПб ГА III-23. Оп. 109. Д. 4 (1824-1825). Л. 14. Д.В. Дашков в Азиатский департамент. 26 ноября 1824 г.

сле подавления восстания монастыри были в значительной степени разрушены и разграблены.

В записке неизвестного автора, хранящейся в Архиве внешней политики Российской империи за 1847 г. под названием «Судьба русского монастыря на Афоне», изложены события, относящиеся ко времени греческого восстания 1821 г., и прослежено их влияние на монастырскую жизнь Афонской горы. По словам автора, Афон принимал активное участие в деятельности греческих тайных обществ и в самом антитурецком восстании. «Монастыри наполнены были оружием; пушки в башнях и в прозорах стен имели свои боевые заряды, в монастыре Есфигменском отливаемы были пули, канал Ксерксов был вновь перекопан и укреплен завалинами из дерева и камня; и Афон сделался полуостровом; до 6000 греков и их жён и детей укрывались в пещерах и лесах Св. горы и получали скудную пищу из монастырей»¹⁰. Среди монахов распространялись письма, якобы от имени Александра I, о том, что на подмогу святогорцам высланы русский флот и войско. Эти письма зачитывали вслух у ворот монастырей под звон колоколов и грохот орудий с криками «Да здравствует царь русский!» Из молодых монахов был сформирован отряд, вооружённый саблями и пистолетами; «русские монахи из казаков и беглых солдат обучали их стрельбе»¹¹.

Бегство солдат из армии, действительно, представляло собой проблему. После возвращения из своей миссии в Египте и Турции в 1832–1833 гг. Н.Н. Муравьёв написал работу под названием «О причинах побегов и средствах к исправлению недостатков армии» (Федорченко 2003: 88). Во время морской экспедиции на Босфор, которой руководил Муравьёв, число дезертиров намного превышало количество погибших от болезней. Однако работа генерала послужила лишь поводом к его опале. Проблема дезертирства не была вновь: ещё в 1801 г. Александр I издал манифест о прощении беглых солдат, скрывающихся «в заграничных землях»¹². Русские путешественники в Турции не раз сталкивались со своими соотечественниками, принявшими мусульманство и ведшими традиционный для турок образ жизни. Были и те, кто находил прибежище в православных монастырях, самыми известными из которых были монастыри Афонской горы. Именно из этих беглых русских солдат и были набраны руководители повстанцев на Афоне.

«Поход под Ковалу кончился тем, что турки отрубили головы монахам из русских, которых как опытных в деле ратном греки высадили на берег», – сообщает в записке. Турки заняли Афонские монастыри и только через 10 лет монахи смогли вернуться в свои обители. Оставшиеся в живых русские монахи обратились к заменявшему российского посланника в Константинополе М.Я. Минчаки с просьбой «дозволить возвратиться в Отечество». В списке

¹⁰ Там же. Ф. СПб ГА II-9. Оп.46. Д.20. Ч.В. Л.24 об. Судьба русского монастыря на Афоне.

¹¹ Там же. Л. 25.

¹² АВПРИ. Ф. Консульство в Галаце. Оп. 544. Д. 20 (1802) Л. 15. Манифест Александра I от 15 марта 1801 г.

возвращавшихся было 48 имён монахов из обители Св. Пророка Или и Зографского скита. Они получили разрешение следовать в Россию «сухим путём через Бессарабскую границу»¹³. Прибыв в Салоники, монахи оставили образа и церковную утварь австрийскому вице-консулу Коху, с которым руководство российского МИД имело предварительную договорённость по этому вопросу. Монастырское имущество было отправлено в Константинополь, а позже Минчаки погрузил его на русский корабль «Березина» под командованием капитана Антоновича для переправки в Одессу. Австрийский консул выдал монахам 2080 пиастров, «найдя некоторых из них в крайней бедности»¹⁴. Прибывший в 1827 г. в Константинополь новый российский посланник А.И. Рибопьер поднял в переговорах с Портой вопрос о восстановлении греческих монастырей на Афоне. «Вследствие домогательства г. посланника» турецкое правительство издало ферман, по которому обители были возвращены права и доход от имений в Молдавии и Валахии¹⁵.

Помощь и защиту от российского правительства получали не только монастыри и отдельные православные храмы в Османской империи. В ходе греческого восстания российское правительство неоднократно оказывало поддержку пострадавшим грекам. В 1821 г. на выкуп пленных греков правительство выделило 520 тыс. рублей, а в 1823 г. в России была объявлена подписка на сбор средств в пользу пленных повстанцев¹⁶. В 1826 г. по распоряжению императора было выделено 10 тыс. рублей ассигнациями на выкуп пленных из разорённого города Миссолунги¹⁷. Турки «за самую низкую цену» продавали пленных на рынках городов Превезы и Арты. Деньги были переведены консульствам, расположенным вблизи территориальной Греции – российскому консулу в Венеции Наранци и консулу на о. Корфу Папандопуло.

Русский Пантелеймоновский монастырь на Афоне пользовался особым почитанием в России. В 1844 г. его посетил великий князь Константин Николаевич. О состоянии этой обители оставил свидетельство архимандрит Порфирий, посетивший афонские святыни после своего первого пребывания в Иерусалиме. В русском монастыре, по его словам, находилось 150 монахов, из них треть русских. «Лица их постны и суровы, – пишет Порфирий, – грубые одеяния их, сотканые из овечьих волос, цвета серо-коричневого... низкие камилавки; всё у них общее, как солнце, воздух и вода; ни один монах не имеет никакой собственности; в их маленьких келиях ничего нет, кроме икон, кувшина с водой и деревянного помоста; все они заняты монастырскими работами»¹⁸. Доход монасты-

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 13.

¹⁵ Там же. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 3 (1828). Л. 3 об. Ф.П. Пален Д.В. Дашкову. 1 августа 1828 г.

¹⁶ Там же. Ф. СПб ГА III-23. Оп. 109. Д. 1 (1823). Л. 1. К.В. Нессельроде П.Г. Дивову. 8 сентября 1828 г.

¹⁷ Там же. Д. 3 (1826). Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 20. Ч. VII. Л. 2 об. Настоящее религиозно-нравственное и вещественное состояние русского монастыря на Афоне, его нужды и возможные пособия ему. Август 1847 г.

ря складывался из милостинной дачи по Палестинскому штату, пожертвований поклонников, сборов в России и средств от двух имений в Молдавии и Валахии. Из перечисления этих доходов Порфирий заключал, что «русский монастырь не имеет никаких благонадёжных средств» для существования. Обратившись к сербскому князю Милошу Обреновичу за помощью, монастырь получил отказ в просьбе «навсегда», что не может вызвать удивления, принимая во внимание бедственное положение самих сербских церквей. Архимандрит Порфирий выступил с инициативой учредить в Харькове подворье русского Пантелеймоновского монастыря для сбора подаваний в пользу этой афонской обители¹⁹.

Аналогичная ситуация сложилась с Хилендарским славяно-сербским монастырём на Афоне. Архимандрит Исаяя прислал в 1816 г. посланнику России в Константинополе А.Я. Италинскому представление, в котором извещал, что монастырь «по причине военных обстоятельств» не получал милостинной дачи с 1805 г. К представлению была приложена копия жалованной грамоты монастырю от царя Алексея Михайловича, по которой монастырю была пожалована милостинная дача в 100 руб.²⁰. Кроме того, монастырю полагались проценты от «сохранной казны билета №431» стоимостью в 3 тыс. руб., вложенных в 1792 г. архимандритом Елисеем в московский воспитательный дом. По рассмотрении этого запроса обер-прокурор Святейшего Синода князь А.Н. Голицын принял решение покрыть долг в сумме 2015 руб., поскольку по Палестинскому штату монастырям ежегодно полагалось по 35 руб. Деньги были высланы российскому посланнику Г.А. Строганову в Константинополь для передачи Хилендарскому монастырю²¹.

Кроме названных монастырей, в балканский список Палестинского штата входили обители Македонии, Албании, Болгарии, Герцеговины, Черногории и Далмации. Особо отмечались три обители на Кипре (Св. Лазаря, Св. Креста и Киккос), а также монастыри Метеоры и Преображенский на о. Проти²². Черногорские владыки поддерживали отношения с российским консульством в Дубровнике и через консула Гагича получали денежную помощь для Рождественского Цетинского монастыря. Режевскому монастырю в Бока-ди-Катаро, находившемуся на территории Австрии, пособие шло также не через Константинополь, а через Министерство внутренних дел. Таким образом, материальная помощь Святейшего Синода поступала в ещё 15 обителей на Балканах, включённых в список как «македонские» и «албанские». Списки монастырей постоянно уточнялись. Очередной экземпляр Палестинского штата появился в 1826 г., а в 1836 г. был установлен 10-летний срок, в течение которого обители, претендовавшие на получение милостинной дачи, должны были представить в

¹⁹ Там же. Л. 8 об.

²⁰ Там же. Ф. ГА III-23. Оп. 109. Д. 5 (1816). Л.1, 5-6. 8-9.

²¹ Там же. Л. 17, 20, 21.

²² Там же. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д.5. Ч.3. Л. 3-4 об. Список монастырей, получающих милостинные дачи от русского правительства (по высочайше утверждённому в 1735 г. штату). 1826 г.

Святейший Синод жалованные грамоты, на основании которых ранее им были установлены выплаты. Из поступавших в Россию документов видно, что не все зарубежные православные монастыри были ознакомлены с этим постановлением, они продолжали посылать свои прошения за пределами установленного 10-летнего срока.

По завершении русско-турецкой войны 1828–1829 гг. решениями Адрианопольского мира Греция получала автономию, уже в 1830 г. – полную независимость от Турции. По Лондонской конвенции 1832 г., подписанной Россией, Англией и Францией – с одной стороны, и Баварией – с другой, Греция была объявлена «независимым монархическим государством» под гарантией трёх европейских дворов. Россия, Англия и Франция сошлись на решении выбрать для греческого престола баварского принца Оттона, сына короля Людвига I, до его совершеннолетия предоставив власть регентству. В состав регентства вошли: президент И. Армансперг, профессор Мюнхенского университета Г. Маурер и генерал-майор Г. Гейдек. Первоначально российское дипломатическое представительство было учреждено в Навплии, куда в качестве поверенного в делах и прибыл П.И. Рикман. П.И. Рикман, долгие годы прослуживший в российской миссии в Константинополе, был опытным дипломатом и хорошо знал обстановку в регионе. На новом месте службы он должен был наладить отношения с правительством Греции. Вместе с Рикманом в Грецию были назначены И.Э. Персиани, в качестве первого секретаря русской миссии, и Кюстер – секретарём при российском консульстве.

В 1832 г. в российскую миссию в Навплии получил назначение сын директора департамента внутренних сношений российского МИД Д.В. Поленов. Он ехал в Навплию через Константинополь и оставил воспоминания о годах, проведённых в Греции. Навплия, пишет автор, была заштатным городком с узкими кривыми улицами и нагромождением небольших турецких домов. Тамашняя жизнь российских дипломатов являла разительный контраст с повседневной жизнью российской миссии в турецкой столице, слывшей признанным центром константинопольского общества. Миссию на Босфоре посещали известные художники и литераторы, здесь ставились «домашние» спектакли, из России выписывались лучшие русские журналы и новые книги, и это преимущество, по словам Поленова, «можно найти не во всех европейских миссиях»²³. По сравнению с Константинополем в Навплии «жизнь скучна до невероятности», в домах холодно, поскольку нет двойных рам, о печах люди не имеют понятия, обогреваются турецкими мангалами.

В январе 1833 г. король Оттон со свитой прибыли в Навплию. По этому поводу местные жители дали бал. Мероприятие имело жалкий вид: дождь, грязь на улице; в экипаже прибыл только король, дамы пришли в сапогах, высоко

²³ Из писем Д.В. Поленова во время поездки его в Грецию и службы при тамошнем посольстве в 1832-1835 гг. Русский архив. 1885. Кн. III.

поднимая юбки своих нарядов, чтобы не запачкать их – «хорошо, что это было ночью»²⁴. Бал не принёс удовольствия и не оставил приятного впечатления, пишет российский дипломат. Президент регентства граф И.Л. Армансперг принимал русских представителей сухо, чего нельзя было сказать о его отношениях с англичанами и французами. В тот же год на Пасху члены российской миссии собрались на торжественную службу в греческой церкви, где присутствовал король. Служба поразила российских дипломатов: священники одеты очень бедно, а в важнейших местах «воспитанники делали на караул и сильно стучали своими ружьями»²⁵. Накануне праздника русские заказали к своему столу пасху и кулич, но пасха оказалась из козьего молока и неприятно пахла, а кулич совершенно сырой – греки не были приучены к совершению праздничного обряда.

Нерешительная позиция России в годы греческой революции, связанная с нежеланием Николая I оказывать поддержку «бунтовщикам», пагубным образом отразилась на позициях России в балканском регионе. После смерти А.И. Каподистрии российское влияние в Греции оказалось подорвано в пользу Англии и Франции. Обе державы имели в Греции партии своих сторонников, в то время как сторонники Каподистрии были удалены со всех должностей. Ещё в 1830 г. Каподистрия писал Дж. Пальмерстону, что положение в Греции сильно осложнилось «в результате помощи, оказываемой иностранными представителями тем, кто затевает антиправительственные интриги» (Международные отношения... 1983: 276). Английская партия получила в освобождённой Греции наибольший вес. Прибывший в Афины в 1835 г. новый британский посланник Э. Лайонс писал в Лондон: «Действительно независимая Греция – это абсурд. Греция может быть или русской, или английской» (Международные отношения... 1983: 276). Кульминацией британского влияния стало намерение послать в Россию дипломатическим представителем Греции генерала Р. Черча, что вызвало резкий протест российского посланника, в результате которого назначение не состоялось.

В 1833 г. российским посланником в Греции был назначен Г.А. Катакази, в прошлом многолетний сотрудник русской константинопольской миссии, а затем личный секретарь графа Каподистрии. В июне того же года регентство приняло решение перенести столицу из Навплии в Афины. С прибытием Катакази российская миссия стала вести более активную светскую жизнь. Посланник установил приёмные дни, на балах, с удовольствием посещаемых афинским обществом, присутствовало до 100 гостей. В церкви, устроенной при миссии, «в самом хорошем порядке и со всем возможным здесь великолепием» начались службы. Из России в Афины прибыл архимандрит Иринарх, состоявший ранее при российской миссии во Флоренции, а также дьякон и певчие. До приезда Катакази для членов российской миссии праздником было посещение обедни

²⁴ Там же. С. 113.

²⁵ Там же. С. 116.

на фрегате адмирала П.И. Рикорда, эскадра которого стояла на рейде в Пирее, и приглашавшего певчих, служивших ещё Каподистрии. После исполняемых с небрежением православных обрядов в греческих церквях, «как желали мы услышать Божию службу на родном языке и должным приличием», – вспоминал Поленов. Устроенная по распоряжению Катакази, церковь при российском посольстве была оснащена необходимой утварью, книгами и облачениями таким образом, чтобы «показать грекам пример порядка и благочиния», поскольку сама греческая церковь находилась «в самом бедственном состоянии, а служение в ней совершалось с величайшею небрежностью»²⁶. Для службы в кафедральном храме Св. Ирины в честь совершеннолетия короля Оттона греческое духовенство позаимствовало у российской миссии «ризы, крест, Евангелие и некоторую другую утварь», чтобы «блеснуть пышностью».

После обретения Грецией независимости в 1830 г. Святейший Синод стал уделять особое внимание состоянию греческой церкви. В 1833 г. Элладская церковь была объявлена независимой от константинопольского патриархата, а вскоре для управления её делами был назначен Синод в составе пяти епископов. Главой православной греческой церкви стал король-католик. Российское правительство попыталось упрочить свои связи с Греческим королевством, склоняя Оттона к принятию православия, но потерпело в этом неудачу. Король обещал крестить по православному обряду наследника, но его брак оказался бездетным. «Это, без сомнения, самый чувствительный удар, когда-либо нанесённый русской чести», – писал К. Меттерних послу Австрийской империи в Петербурге К. Фикельмону (Татищев 1887: 289).

В 1846 г. глава российского МИДа обратился к российскому императору с прошением о приобретении в Афинах полуразрушенной церкви Св. Никодима для придания ей статуса посольской церкви российского дипломатического представительства²⁷. Для этой цели испрашивалась сумма в 7500 руб. серебром. В резолюции Николая I содержалось указание «церковь отделать прилично и снабдить всем потребным, так, чтоб служить могла образцовой для края»²⁸. Утверждению формы богослужения российские власти уделяли большое внимание, поскольку она могла служить эталоном для других, более мелких церквей в православных провинциях Турции, где канонический православный обряд постепенно утрачивался. Это происходило из-за нехватки средств, отсутствия облачения и утвари, а также притеснений со стороны мусульманских властей. К тому же духовенство не имело должного образования. Правильной организацией церковного убранства и служб Россия стремилась повысить авторитет православия и подчеркнуть свою роль в его поддержке.

²⁶ Там же. С. 127.

²⁷ *АВПРИ*. Ф. СПб ГА I-1. Оп 781. Д.22.. Л.78-81. К.В.Нессельроде Николаю I. 21 декабря 1846 г.

²⁸ Там же. Д. 23. Л. 29 с об. К.В. Нессельроде Николаю I. 29 марта 1847 г.

Позже оказалось, что состояние «весьма древней» афинской церкви требует дополнительных денежных вложений – при расчистке выяснилось, что здание сильно повреждено, нужно перестроить и укрепить фундамент. Узнав, что разрушенный храм станет русской посольской церковью, греческое правительство России предложило храм Св. Никодима «безвозмездно», о чём канцлер докладывал императору в начале 1847 г. Тогда же греческие подданные, братья Херетис, один из которых был директором Афинского королевского ботанического сада, а другой служил в греческом национальном банке, обратились к российскому поверенному в делах с просьбой принять в дар для новой посольской церкви в Афинах «древнюю икону с изображением Спасителя, написанную на чёрном мраморе и признанную тамошними художниками за отменное произведение болонской школы»²⁹.

Несмотря на путаницу и неупорядоченность, поступавшие из России денежные выплаты составляли значительную часть поступлений в бюджет этих православных обителей. «Можно почти утвердительно сказать, что не осталось ни одного монастыря ни в Греции, ни в Палестине, который бы в своё время не испросил какого-либо подаяния от щедрот Государей наших», – писал А.Н. Муравьёв, подробно изучивший историю помощи православным церквям в XVI–XVII вв.³⁰. Кроме материальной составляющей, эта помощь была знаком внимания и поддержки со стороны державы-покровительницы ко всем православным центрам в Османской империи. Осознание духовного единства с Россией, особенно ярко выраженное в конфессиональной общности, поддерживало существование монастырей. Россия, сознававшая себя центром православия, считала своим долгом оказывать поддержку единоверцам на всей территории Османской империи, и прежде всего, на Балканах, где христианское население намного превышало численность мусульман. Не подлежит сомнению и политическая составляющая церковной помощи России православию на Востоке. Это, прежде всего, касается отношений с Османской империей и народами Балкан, связи с которыми лежали в русле внешнеполитических интересов России в данном регионе и решения Восточного вопроса в целом.

Константинопольская миссия сыграла огромную роль в установлении и осуществлении связей русской церкви с балканскими православными институтами. Через российских посланников проходили все денежные средства, направлявшиеся Святейшим Синодом православным обителям почти на всей территории Балкан (кроме Цетинской митрополии). Именно через миссию осуществлялись контакты как отдельных церквей, так и руководства Константинопольской патриархии с духовными учреждениями в России, что делало российское представительство в Константинополе важным центром влияния

²⁹ Там же. Л. 51. К.В. Нессельроде Николаю I. 12 июля 1847 г.

³⁰ Муравьёв А.Н. *Сношения России с Востоком по делам церковным*. СПб: тип. 3 отделения собств. Е.и.в. канцелярии. 1858 – 1860. Ч. I–II.

на православные общины и духовные центры на Балканах. Материальная помощь России могла удовлетворить далеко не все нужды православных обитателей и храмов на Балканах – не только из-за их многочисленности, но и по причине крайне скромных средств, выделявшихся Святейшим Синодом. Российское правительство скорее некоторым образом «отмечало» объекты своего внимания и давало понять туркам обширность своих духовных притязаний на османской территории, чем оказывало реальную материальную поддержку этим центрам православия на Балканах. Эту умеренность, безусловно, можно было бы списать на постоянную нехватку средств, если бы определённая тенденция не прослеживалась на протяжении продолжительного периода. Остаётся сделать вывод о том, что нерешительность и даже «робость» в оказании поддержки православной церкви в Османской империи вообще и в Греции, в частности, проистекали вследствие общей неопределённости генерального курса внешней политики России в данном регионе, наложившей отпечаток на духовную сферу общения православных общин России и Балкан.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра внешней политики России Института российской истории РАН. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. E-mail: demetr22@mail.ru.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: February 2, 2020
Accepted: May 8, 2020

Russian-Greek Political and Ecclesiastical Relations in 20-30s of the 19th Century

E.P. Kudryavtseva
DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-26-40

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences

Abstract: The article is devoted to the Russian-Greek ecclesiastical and political relations before and during the Eastern Crisis of the 1820s. After the start of the Greek uprising in 1821, Russia took an ambivalent position: as a patron of all orthodox Christians in the Ottoman Empire, it sought to support the Greeks, but Russia also had to recognize the Greek revolution as an illegitimate rebellion. As a member of the Holy Alliance of European Powers Russia

had no other choice but to adhere to the principles of legitimism. Russia had both political and economic interests in the region. After the Greek uprising, main powers in the Western Europe had no doubt that Russia would support the rebels. Nevertheless, Russia regarded the Greek rebellion as another European revolution. After a successful war of independence, Russia established its diplomatic mission in the Greek capital. The first ambassador was P.I. Rickman, who arrived with aim to provide political relations with this new Balkan state. If political support of the rebellion could find no understanding in the conservative European circles, the aid of the Orthodox Balkan Church was implied by the Treaty of Küçük Kaynarca 1774. Special attention in this support, provided by the Holy Synod of the Russian Orthodox Church to the Greek monasteries, was paid to the Athos monasteries. This support was designed by a special document. It was adopted in 1735 under the Empress Anna Ivanovna and was subject to execution in subsequent years. The Archive of the Russian Ministry of Foreign Affairs has kept lists of all Orthodox monasteries on the territory of the Ottoman Empire that enjoyed material support from the Russian church; a significant part of this list are the Orthodox churches of Greece.

Key words: foreign policy, international relations, Eastern crisis, Greek revolution of 1821

About the author:

Elena P. Kudryavtseva – Doctor of Historical Sciences, leading research worker of department “Russia in international relations” of the Institute of Russian History of The Russian Academy of Sciences, Moscow. 117036, Moscow, ul. D. Ulyanova 19, Russia. E-mail: demetr22@mail.ru.

Conflict of interest: The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Arsh G.L. 1976. *I. Kapodistrija i grecheskoje nacionalno-osvoboditelnoje dvizenije. 1809–1822 gg.* [I. Kapodistria and the Greek National Liberation Movement. 1809–1822]. Moscow: Nauka. 328 p. (In Russian).

Fadeev A.V. 1958. *Vostocnij krizis 20-h godov 19 veka* [Russia and the Eastern Crisis of the 20s of the 19 Century]. Moscow: Iz-vo AN SSSR. 396 p. (In Russian).

Fedorcenko V.I. 2003. *Imperatorskij dom. Vidausciesa sanovniki* [Imperial House. Distinguished Dignitaries]. Krasnojarsk: Bonus. T. 2. 638 p. (In Russian).

Mezdunarodnije otnoshenija na Balkanah. 1815–1830. [International Relations in the Balkans. 1815–1830]. 1983. Moscow: Nauka. 295 p. (In Russian).

Mezdunarodnije otnoshenija na Balkanah. 1830–1856. [International Relations in the Balkans. 1830–1856]. 1990. Moscow: Nauka. 320 p. (In Russian).

Tatiscev S.S. 1887. *Vneshnaja politika imperatora Nikolaja I* [Foreign Policy of Emperor Nicholas I]. Saint Petersburg: tip. I.N.Skorohodova. 639 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Арш Г.Л. 1976. *И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822 гг.* Москва: Наука. 328 с.

Международные отношения на Балканах. 1815–1830. 1983. Москва: Наука. 295 с.

Международные отношения на Балканах. 1830–1856. 1990. Москва: Наука. 320 с.

Татищев С.С. 1887. *Внешняя политика императора Николая I*. Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скороходова. 639 с.

Фадеев А.В. 1958. *Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века*. Москва: Из-во АН СССР. 396 с.

Федорченко В.И. 2003. *Императорский дом. Выдающиеся сановники*. Красноярск: Бонус. Т. 2. 638 с.